

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК: 821.161.1

DOI: 10.18503/2658-3186-2022-6-3-55-64

*М. Л. Бедрикова (Магнитогорск, Россия)***ОСОБЕННОСТИ ИЗОБРАЖЕНИЯ ТИПА ГОНИТЕЛЯ СВОБОДЫ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ О ДЕКАБРИСТАХ (Э. РАДЗИНСКИЙ ИЮ. ДАВЫДОВ)**

Аннотация. Статья посвящена актуальной проблеме типологии героев в русской литературе о декабристах в контексте современных взглядов на декабризм. Автор ставит задачи: раскрыть вневременной характер конфликта «личность и власть» в русской литературе, связанного с событиями 14 декабря 1825 г.; исследовать особенности литературных типов – дворянского героя-революционера в его конфликте с типом «государственника», гонителя свободомыслия. Автор статьи проводит анализ интерпретаций личности А. Х. Бенкендорфа в пьесе Э. Радзинского «Лунин, или Смерть Жака» (1979) и повести Ю. В. Давыдова «Подколотный Башуцкий, или Синие тюльпаны» (1988–1989). В основе исследования – мысль о развитии этими писателями в ходе обращения к исторической теме биографического принципа, разработанного А. И. Герценом. В повести «Подколотный Башуцкий, или Синие тюльпаны» интерпретатором образа шефа жандармов III Отделения является автобиографический-повествователь, рефлексирующий историк-архивист, альтер эго романиста Ю. В. Давыдова. Он постигает судьбу своего героя, репрессированного в годы сталинщины, сквозь призму трагедии декабризма и параллельно повествует о судьбе самого гонителя – А. Х. Бенкендорфа. Историк-драматург Э. Радзинский тоже представляет личность А. Х. Бенкендорфа, но уже по законам драматургии и в иной позиции – глазами декабриста М. Лунина, заключенного Акатуйского острога. Новизна исследования состоит, во-первых, в выявлении принципов художественного изображения исторической личности 1825–1845 гг. в типологии героев русской литературы; во-вторых, в выявлении амбивалентных черт в типе гонителя, «душителя свободы», жандарма, повелевающего казнить или миловать. Методология статьи сложилась в сочетании биографического, историко-сравнительного и типологического методов анализа.

Ключевые слова: декабризм, биография, русская литература XX в., Ю. В. Давыдов «Подколотный Башуцкий, или Синие тюльпаны», Э. Радзинский «Лунин, или Смерть Жака».

Введение

Тема декабризма – одна из важнейших тем в истории России на протяжении почти двух столетий. Свод художественных, биографических произведений о декабристах велик. В русской литературе XIX в. это стихи и проза: поэзия В. Кюхельбеккера, К. Рыльева, поэмы Н. Некрасова («Дедушка», «Русские женщины») и др. В XX в. – роман Ю. Тынянова «Кюхля» и др.; популярные публикации о судьбах жен декабристов [9: 10].

В историческом контексте сама дата 14 декабря 1825 г. может показаться всего лишь «одной из». В издании «Энциклопедического словаря. Россия» Брокгауза и Ефрона⁴, в статье «Хронология по русской истории», событие 14 декабря 1825 г. предваряется статьей «Наводнение в Петербурге 1824», а далее следуют «Персидская война 1826–1828»; «Наваринская битва 1827»; «Туркманчайский мир с Турцией 1828». Использованный составителями словаря термин «заговор» (не «восстание») декабристов сразу обращает на себя внимание, как и особая плотность исторических событий в последекабрьский период. Л. М. Ляшенко, проанализировав этапы развития и истоки декабристского движения и многочисленные оценки данного события современниками и потомками, заметил: «Историки просто не могут обойтись без работ П. Анненковой, М. и Н. Бестужевых, Н. Басаргина, Г. Батенькова, А. Беляева, А. Бригена, М. и С. Волконских, И. Горбачевского, Д. Завалишина, Н. Лорера, М. Лунина» [6, с. 199]. По мнению исследователя, сразу после 14 декабря 1825 г. изменилось отношение общества к восставшим, был отмечен «переход декабристов из разряда заговорщиков на положение «сырых и убогих» [6, с. 166]. Вяземский весной 1826 г. писал Жуковскому: «Если судить декабристов, то перед тем же судом в роли обвиняемого должно предстать и самодержавие» [Цит. по 6, с. 166]. Как явное сочувствие к декабристам расценивается факт публикаций под псевдонимами произведений Рыльева, А. Бестужева, Кюхельбеккера, Одоевского [6, с. 167].

Оценки дворянством 14 декабря 1825 года колеблются – от верноподданных (императора Николай I и его брата Константин Павлович, графа Д. Н. Толстого министр иностранных дел России М. Д. Нессельроде [6, с. 163]) до сочувствующих (принца Евгения Вюртембергского, Н. М. Карамзина [6, с. 166]). «Верноподданическая» позиция диктовалась, прежде всего, благими намерениями императора, заботящегося о пользе государства.

Опыт обуздания инакомыслящих из первого сословия был у Екатерины II (Н. Новиков,

⁴Брокгауз Ф. А. Энциклопедический словарь. Репр. изд. СПб.: АО изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон, 1890-1907. Т. 28 (55): Россия и С-Саварна. 1899. 874 с.

А. Радищев). Тема усмирения смутьянов неоднократно звучала в письмах императрицы при перечислении достоинств справедливой благонравной власти: «Век мой напрасно страшился Меня. Я никого не хотела ужасать <...> и приписывала злословие единственно тому, что Меня не разумели <...> В политической системе Я следовала всегда плану, который казался Мне полезнейшим для моего государства и безвреднейшим для других; есть ли бы знала лучшие, то предпочла бы его» (Екатерина Вторая – Циммерману, 29 января 1789 года) [2, с. 365–366].

Среди комментариев авторитетных мнений (ср., например, высказывание Н. М. Карамзин: «Заблуждения и преступления этих молодых людей суть заблуждения и преступления нашего века» [6, с. 166]), предложенных Л. М. Ляшенко, выделим его комментарий позиции Александра Христофоровича Бенкендорфа: «Дворянство <...> не поддержало декабристов, так как личные интересы большинства представителей первого сословия оказались сильнее. Он прав и не прав одновременно. Дворянство в массе своей действительно не оказало ни активной, ни пассивной поддержки попытке декабрьского переворота, однако к самим декабристам проявило явное сочувствие» [6, с. 166]. Отношение историка к мнению шефа жандармов, как видим, двоякое. Отметим, что двойственность проявляется закономерно, ибо затронуты вопросы идейно-нравственного характера, которые возникли перед дворянством еще до восстания и непосредственно 14 декабря 1825 г., становясь всё актуальней в последующие годы: выбор позиции признать или не признать возможность революционного насилия и др. Полагаем, реакция Бенкендорфа как государственного деятеля на революционное выступление была однозначной, но следует принять во внимание, что граф наблюдал за настроениями в близкой ему дворянской среде и ранее – с 1810-х годов. Это важно для анализа характера и данного типа, ибо объясняет его действия в период 1825–1844 гг. (1844 г. – год смерти Бенкендорфа). Он доподлинно понимал мотивы дворянских революционеров, их психологию и столь же хорошо знал и помнил заслуги аристократических родов «перед Богом и Отечеством».

В нашей статье мы анализируем тип «гонителя свободы» в литературе, посвященной декабристам. Характер А. Х. Бенкендорфа для анализа выбран неслучайно. Комментаторы мемуаров графа А. Х. Бенкендорфа (1802–1837), современные историки-архивисты пишут: «Мелочная жандармская опека, стремление решить все дела государства при помощи полиции стали казаться обществу неприемлемыми. Полиция стала сталкиваться с растущими и увеличивающимися год от года оппозиционным и революционным движением <...> Именно в это время с явной подачей А. И. Герцена образ Бенкендорфа стал превращаться в «популяризованную идею» холодного, беспощадного гонителя и притеснителя» [1]. В произведении «Былое и думы» своё глубоко личное переживание этой трагедии А. И. Герцен уподобил «нравственному пробуждению»: «Победу Николая над пятью торжествовали в Москве молебствием. Среди Кремля митрополит Филарет благодарил бога за убийства <...> Никогда виселицы не имели такого торжества <...> Мальчиком четырнадцати лет, потерянным в толпе, я был на этом молебствии, и тут, перед этим алтарём, оскверненным кровавой молитвой, я клялся отомстить казнённых и обрекал себя на борьбу с этим троном, с этим алтарём, с этими пушками»⁵. Герцен прибегает к биографическому принципу. В романе «Кто виноват?» он пояснит: «Меня ужасно занимают биографии всех встречающихся мне лиц <...> Вот поэтому-то я несколько не избегаю биографических отступлений: они раскрывают всю роскошь мироздания»⁶.

Бенкендорф наряду с чертами гонителя проявляет черты патриота: «Прошлое России было блестяще, её настоящее более чем великолепно, а что касается её будущего, оно превосходит всё, что может представить себе самое смелое воображение» [1]. Полагаем, у Герцена в отношении его гонителя Бенкендорфа были веские основания для резкого категорического неприятия («с явной подачи»). Есть важное замечание: произведение «Былое и думы» писатель адресовал потомкам, запечатлевая, в том числе, декабристскую и последекабрьскую эпоху. С целью объективности, Герцен вводит и мнение сторонних наблюдателей. В биографическом отступлении, завершающем главу XXVI (о мытарствах по коридорам III Охранного отделения) и посвященном даме былых времен, знакомой отца Герцена, светской львице XVIII века Ольге Александровне Жеребцовой, читаем «Что же это за чудо, – говорю я ему, – поговорить с Бенкендорфом? Я это и сама умею. Да и он-то из ума выжил <...>; а тут какой-нибудь секретаришка у него делает доносы всякие, а он и подаёт. <...> Нет, уж лучше, говорю, не срами себя, что тебе просить Бенкендорфа, он же всё и напакостил». – «У нас, говорит, это не заведено», – и пошёл тут рассказывать <...> Посмотрите, – прибавила она, указывая мне на портрет Орлова, – экой браваый представлен какой, а боится слово сказать»⁷ Её точка зрения акцентирует

⁵ Герцен А. Былое и думы: Части 1–5. М.: Художественная литература, 1969. С.65.

⁶ Герцен А.И. Кто виноват? / ред, послесловие и прим. И. С. Новича. М.: ОГИЗ Гос. изд-во худ. литературы, 1948. / Booksonline.com.ua [сайт]. URL: <https://booksonline.com.ua/view.php?book=110661&page=21> ()

⁷ Герцен А. Былое и думы: Части 1–5. М.: Художественная литература, 1969. С.387–388.

новизну эпохи дворянской революционности и появление типа гонителей инакомыслия, порождаемых ею.

Не видим ничего предвзятого в описании канцелярской атмосферы жандармского Отделения, с её «благочестивой скукой». Приведем ряд упоминаний о Бенкендорфе – по ходу сюжета главы: «Судьба и граф Бенкендорф спасли меня от участия в подложном отчёте, это случилось так...»⁸; «Дубельт прислал за мной, чтоб мне сказать, что граф Бенкендорф требует меня завтра в восемь часов утра к себе для объявления мне высочайшей воли!»⁹; «Лицо его было измято, устало, он имел обманчиво добрый взгляд, который часто принадлежит людям уклончивым и апатическим. Может, Бенкендорф и не сделал всего зла, которое мог сделать, будучи начальником этой страшной полиции, стоящей вне закона и над законом, имевшей право вмешаться во всё <...>, но и добра он не сделал: на это у него не доставало энергии, воли, сердца!»¹⁰. Полагаем, что характеристику Бенкендорфа у Герцена затмевает похожий тип гонителя – Дубельт. Суть одна – генерал Дубельт так же решает судьбы людей (казнить или миловать), но на писателя Дубельт произвёл впечатление более «человеческое»: «Дубельт – лицо оригинальное, он, наверное, умнее всего Третьего и всех трёх отделений собственной канцелярии»¹¹. И Дубельт, и Бенкендорф для Герцена не есть загадка двойственной природы. Иронических средств больше было потрачено на Дубельта («тонкая смышленность хищных зверей, вместе уклончивость и заносчивость»; «голубой мундир накрыл» живое в нём)¹². Таким образом, шеф жандармов Бенкендорф в изображении Герцена – это граф Александр Христофорович Бенкендорф, государственный деятель, писатель приравнивает к преступлению «его робость сказать слово в защиту гонимых» самому Николаю («холодному, беспощадному человеку») ¹³. Преднамеренного снижения образа Бенкендорфа (ср.: «с явной подачи А. И. Герцена образ Бенкендорфа стал превращаться в «популярную идею» [1]) не наблюдается.

1. Типология героев в драматургической притче Э. Радзинского «Лунин, или Смерть Жака» (1979)

В отличие от других писателей декабристской темы, Э. Радзинский – драматург, автор сценической притчи «Лунин, или Смерть Жака» (1979) – не ставил целью достоверно воспроизвести историю жизни героя-декабриста Михаила Сергеевича Лунина. Извлечь уроки истории декабристского движения, воссоздать портрет русского общества декабристской поры – вот что первоначально для Э. Радзинского.

Чтобы понять смысл исторического события, необходимо обратиться также к вопросу типологии героев, его участников. Жанр пьесы-притчи, в силу её иносказательности, потребовал не только театральности условности, но и широкой эрудиции от зрителей (и читателей «лучших мифологических или исторических романов»). Драматург обращается к исторической памяти: «...память о минувшем нужна людям не сама по себе, а для того, чтобы лучше разобраться в настоящем и предвидеть будущее»¹⁴. Зритель и читатель опирается на стереотипы, сформированные школьными уроками истории и литературы: событие 14 декабря 1825 г. повлекло раскол общества, его разделение на жертв и их палачей, дворянских революционеров и гонителей свободы.

Тип гонителя, душителя свободы, представленный фигурой шефа жандармов А. Х. Бенкендорфа, повелевающего «казнить или миловать», историки анализируют для уточнения фактологии декабристского движения. В своем «Эскизе к коллективному портрету доносчиков, провокаторов и судей декабристов» [6, с. 138–139] Л. М. Ляшенко поведал истории трех фигур – светлейшего кн. А. И. Чернышёва, заседателя Санкт-Петербургской палаты А. Н. Ронова, прапорщика лейб-гвардии И. В. Шервуда [6, с. 141]. С доносчиком Шервудомлично общался сам Александр I. Постепенно в системе провокаторствасформировалась вертикаль гонителей инакомыслия. Николай I назначил кн. Чернышёва «членом Следственной комиссии»: «Его рвение и наглость были оценены Николаем I в полной мере» [6, с. 138–139].

В типологии героев исторической литературы характер Лунина отнесён к типу героя – дворянского революционера. Следуя за Герценом, Л. Ляшенко в биографическом отступлении поместил анкетный портрет: «М. С. Лунин (1787–1845) – подполковник лейб-гвардии Гродненского гусарского полка. Участник войн 1805–1807 гг., Отечественной войны 1812 г. и Заграничных походов. Награждён

⁸ Герцен А. Былое и думы. С. 369.

⁹ Там же. С. 373.

¹⁰ Там же. С. 378.

¹¹ Там же. С. 373.

¹² Там же. С. 374.

¹³ Там же. С. 378.

¹⁴ Лунин М. С. Сочинения. Письма. Документы. Иркутск: Восточно-Сибирское изд-во, 1988. С. 9.

многими орденами... Член «Союза благоденствия» <...> Арестован в апреле 1826 г., приговорён к каторжным работам на двадцать лет. С 1835 г. – на поселении. В марте 1841 г. вновь арестован и отправлен в Акатуйский тюремный замок» [6, с. 171]. Недоужинная личность Лунина вызывала интерес, удивление и восхищение, давая пример готовности к подвигу и дворянской чести: «все двадцать лет герой был кумиром, примером для подражания дворянской молодёжи [6, с. 172]. На поселении в Сибири (Урик) им написаны «Письма из Сибири», «Разбор Донесения Тайной Следственной комиссии», «Взгляд на русской тайное общества с 1816 по 1826 годы» [6]. «Умер при невыясненных обстоятельствах 3 декабря 1845 г.» [6, с. 171]). В Луние автором подчёркивается аналитический склад ума, ирония и острословие – в его противостоянии Бенкендорфу и иже с ним. Анекдоты основаны на реальных эпизодах «пикировки» с властью: известен также случай отказа(!) Лунина ознакомиться с высочайшим приказом, подписанным главой III Отделения [6]). В застенке осуждённый не отказался от идеалов юности и Бенкендорфа не страшился.

Э. Радзинский, погружившись в историю декабристов, прежде всего стремился художественно постичь роль исторических лиц, осмыслить философские проблемы: личность и государство; поиск истины и справедливости человеком в его эпоху; человек в его противостоянии абсолютной власти. Форма притчи позволила ввести условность в действие пьесы на историческом материале – с целью: 1) обнажить вневременной характер конфликта «личность и власть»; 2) высветить особенности типа дворянского героя-революционера в конфликте с типом «государственника» в крайней степени – с гонителем свободомыслия. Опыт Герцена в самопознании и познании смысла истории заключается в следующем признании классика: «...много надобно времени для того, чтобы **иная** была отстоялась в прозрачную думу – неутешительную, грустную, но примиряющую пониманием. Без этого может быть искренность, но не может быть **истины!**»¹⁵.

В пьесе-притче истину познаёт автор Э. Радзинский, а его главный герой переживает момент истины. Лунин осмысливает свое время в потоке «исторической стихии» [заметим: похожее восприятие Истории как стихии отмечается в XX веке, например, у Б. Пастернака в романе «Доктор Живаго» – М. Б.]. У Герцена акцент сделан на быстротечности бытия и экзистенциальном одиночестве мыслящего человека: «*Действительно, человеку бывает подчас пусто, сиротливо между **безличными всеобщностями, историческими стихиями и образами будущего, проходящими по их поверхности, как облачные тени!***»¹⁶.

Сравнение «как облачные тени» в данной цитате напрямую связано с поэтикой условности Э. Радзинского. В Акатуйском остроге опасный государственный преступник Михаил Сергеевич Лунин, лишенный всех гражданских прав дворянин, уже старик, ведёт записи, утратив ощущение времени. Время не имеет смысла, в одиночной камере оно не течёт, но повседневная жизнь продолжается. В насыщенной внутренней жизни Лунина, в его памяти, люди и события являются ему в абстракциях-теньях («как облачные тени» у Герцена) – в виде «масок», «мундиров», соответствующих их социальной роли. Заключенный почти забыл лица близких, лицо любимой женщины блекнет, но «мундиры» остаются рельефными, способными менять содержание, но сохранять функцию-роль. У «мундиров» есть голоса («*Маска, кто я?*»)¹⁷.

Таких «мундиров» (типов) в пьесе несколько, среди них: «Первый мундир», «Второй мундир», «Мундир Государя». В образе тени является «Она». Реальные лица в пьесе – это молодой поручик Григорьев, первый мужик, второй мужик, Писарь, Марфа, живущие в Акатуе.

И. А. Канунникова в своей работе так интерпретировала слова Лунина: «*“Теперь, когда всё подошло к концу, я понимаю <...> жизнь уничтожает кажущееся многообразие. И вот уже нет толпы. Жизнь-то свелась к ним, к четырём: Каин...Авель...Кесарь... и Мария – на одной лавочке умещается вся жизнь”*» <...>И ситуация, и образы тяготеют к своим исходным типам или даже архетипам» [4, с. 423]. По мнению исследовательницы, Лунин может быть отнесён к типу «извечно одинокого, ищущего, страдающего, мучительно размышляющего интеллигента», этот тип находится «в постоянном противоборстве» с «развращенной собственной безграничностью и вседозволенностью властью» [4, с. 423], которую в пьесе-притче Э. Радзинского олицетворяет Следственная комиссия в образе Первого мундира. Мы возразили бы И. А. Канунниковой: в типе героя-декабриста одиночество интеллигентного героя в толпе не показано; как правило, декабристы были объединены общей целью и братством по духу – о весёлости и общительности гусара Лунина свидетельствует историк Л. Ляшенко [6, с. 171–176]. Жизнелюбивый сильный характер Лунина раскрывается и в сюжете Э. Радзинского – в его своеобразном общении с «теньями» десятков его друзей, приятелей, единомышленников и просто

¹⁵ Герцен А. Былое и думы. С. 25.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Радзинский Э. Лунин, или Смерть Жака // Радзинский Э. Загадки истории. М.: Астрель: АСТ Москва, 2008. С. 246.

знакомцев.

Под маской Первого мундира скрываются «верноподданные» доносители, государственные деятели. Примеры находим в репликах Лунина: «*мой старый знакомец и нынешний министр Киселёв... Ты отречёшься от меня тотчас, когда...*»; «*другой мой старый друг и другой нынешний министр Уваров!.. И ты тоже (Смешок.) Прежде чем петух пропоёт трижды*»; «*Еще знакомец... Граф Чернышёв. Ты будешь допрашивать меня в крепости*»; «*Орлов Алёшка!.. Тебя станет просить обо мне моя сестра ... Но ты... (Смешок.) Орлов Алёшка, шеф жандармов и главноуправляющий Третьим отделением*»¹⁸.

В своем «Эскизе к коллективному портрету доносчиков, провокаторов и судей декабристов» Л. Ляшенко даёт характеристики многим из тех, кого Э. Радзинский представил в образе Первого мундира. Для типа гонителя свободы, независимо от сословия, характерны конкретные черты: профессионал, но при этом «не брезгает никакими средствами для подъема по служебной лестнице» [6, с. 144–145]; абсолютно лишённые совести, наделённые «рвением и наглостью», гонители свободы способны «роль» профессионала сменить «*на роль сановного палача*» [6, с. 146]. Всесильный государственный чиновник Бенкендорф незримо присутствует в ипостасях Первого мундира, несомненно, этот персонаж – гонитель свободы по идейным соображениям, глубокому убеждению в своей необходимости Государю.

Мундир Государя беседует с Луниным откровенно – события 14 декабря 1825 года оказались истинным потрясением: «*Мундир Государя. Была! Была тайна <...> Как только привели первых арестованных во дворец...когда посыпались первые фамилии, я пришёл в ужас! Волконские... Одоевские, Трубецкие ... потомки Рюрика и Гедемина <...> Цвет общества – в заговоре! <...> Я решил замять дело. В этом тайна, Жак! <...> Я назначил в комиссию ветхих старцев да в придачу к ним наших сорокалетних либералов!.. Известных либералов Александра царствования – твоего знакомого графа Чернышёва, мечтавшего о представительной власти для России, Бенкендорфа...слышавшего чуть не вольнолюбцем <...> И в старичках я не ошибся, а вот с сорокалетними либералами... тут конфуз вышел*»¹⁹. В диалоге Мундира Государя с Первым мундиром раскрывается истинная суть человеческого типа недавних «либералов»: в революционной политической ситуации «гонители» нашли для себя «нишу», скорейший путь к славе, блестящей карьере. Мундир Государя поражен скоростью «смены» исторических декораций: «*...и уже казалось, что расправились не с горсткой офицеров-соотечественников, а целая неприятельская армия повержена. Молебны заказывали о спасении отечества! Общество прозревало. Просто на глазах*»²⁰. В последних словах сквозит бесконечная ирония драматурга: общество то пришло «в ужас», то «молчало», то «прозрело» – за короткий срок. Еще более, нежели чем Мундир Государя, Лунин поражен скорыми переменами в своих друзьях – от дружбы к предательству.

На двадцати страницах текста пьесы количество реплик Первого мундира достигает пятидесяти восьми – это в десятки раз больше других персонажей, поэтому, диалоги Лунина с гонителями свободы справедливо считать идейным центром сценической притчи Радзинского. Данные диалоги в драматургическом произведении призваны отразить проявления глубокого кризиса, противоречий в российском обществе. На рубеже XVIII–XIX вв. (точнее уже к середине 1800-х годов) в первом сословии созрели условия для создания тайных кружков, ставивших политические цели – преодоление политического гнета в России, свержение неправой власти. Сотни участников тайных обществ – это дворянская молодежь (рожденная в последнее десятилетие XVIII столетия). Тип будущего декабриста формировался внутри первого сословия на протяжении первой четверти XIX столетия. «Диалог с властью на языке мятежей и восстаний отнюдь не смягчает эту власть <...> Он ведёт к радикализации общественного движения, к росту социально-политических антагонизмов, то есть к увеличению степени непредсказуемости будущих столкновений власти и общества» [6, с. 167].

Одновременно с рождением типа дворянского революционера (нового «особого типа русского человека» (Л. Ляшенко) рождался тип гонителя свободы в его «ликах» [6, с. 33]. В произведении Э. Радзинского «Лунин, или Смерть Жака» «лики» голубых мундиров, включая главного – графа А. Х. Бенкендорфа, скрыты, согласно театральному приему условности, под маской – в образе Первого мундира. Для драматурга, как и для его героя М. Лунина, в диалогах с гонителями свободомыслия важно было акцентировать крах либеральной идеи в условиях российской действительности. Горечью наполнены иронические реплики М. Лунина, который раздаёт бывшим друзьям их новые имена, рождающие библейские ассоциации: Киселёв <...> *Ты отречёшься от меня тотчас, когда ...*»;

¹⁸ Радзинский Э. Лунин, или Смерть Жака. С. 248.

¹⁹ Там же. С. 268.

²⁰ Там же. С. 269.

«...министр Уваров!.. И ты тоже (Смешок.) Прежде чем петух пропоёт трижды»; Граф Чернышёв. Ты будешь допрашивать меня в крепости»; «Орлов Алёшка, шеф жандармов и главноуправляющий Третьим отделением»²¹. В притче Радзинского передан пафос, наполняющий известное стихотворение М. Ю. Лермонтова «Прощай, немытая Россия», в котором образ Родины не совпадает с образом государства – Российской Империей («страна рабов, страна господ»). Народ не идеализируется – он предан «голубым мундирам». В произведении Э. Радзинского власть умывает руки, совершая убийство государственного преступника-декабриста М. Лунина руками наёмных простолудинов. Как и в стихотворении М. Ю. Лермонтова «Смерть поэта», вертикаль типологии гонителей свободы венчает образ палача свободы – Николая I. В основании воображаемой вертикали есть тип доносчика, провокатора, судей декабристов, а по мере расширения полномочий власти, тип гонителя свободы дорастает до высших уровней – второго лица в российской Империи (графа А. Х. Бенкендорфа – шефа III Охранного отделения) и вершины вертикали – самого Государя Николая I. В типологии литературных героев оппозиция «герой-дворянский революционер – его гонитель, душитель свободы» совмещается с оппозицией «палач – жертва».

Типология героев в литературе о декабристах отражает трагизм исторической ситуации декабристского и последекабрьского периодов, выразившийся в глубоком расколе русского общества.

2. Ю. Давыдов «Подколотный Башуцкий, или Синие тюльпаны» (1988–1989)

В социокультурной ситуации перестройки 1985–1991 гг. поздняя историческая проза Юрия Владимировича Давыдова (романы, повести, рассказы – «Вечера в Колмове» (1986); «Подколотный Башуцкий» (1988); «Мальчики» (1991); «Дорога на Голодай» (1992); «Зоровавель, или Рождённый в Вавилоне» (1992); «Бестселлер» (1998–2000); «Такой предел вам положен» (2001)) создаёт широчайший исторический контекст, предельно укрупняющий масштаб исторического пространства-времени. В произведение декабристской темы вводится индивидуализированный автобиографический образ, герой-повествователь, а также сквозные герои (типы). Романы и повести писателя проанализированы в диссертационном исследовании 2009 г. А. В. Сидорова [8], в том числе цикл Ю. Давыдова о декабристах. Интерес к декабристскому циклу проявляют и филологи 2010-х годов [7].

Перечислим основные типы в типологии героев исторической прозы Ю. Давыдова, выявленные А. В. Сидоровым. По замыслу писателя, как справедливо отмечает исследователь, типы перешли в позднюю прозу о декабристах из хронологически предшествующей прозы, то есть ранних произведений Ю. Давыдова, посвященных народовольцам. Это, во-первых, образ русского офицера; во-вторых, образ дворянского революционера; в-третьих, образ государственного деятеля; в-четвёртых, образы из народа (простонародье); в-пятых, палач и жертва; в-шестых, персонажи-провокаторы [8, с. 35–37]. Последний тип «выступает как символ своего времени, поскольку провокация становится привычным явлением русской действительности последней трети XIX века» [8, с. 39]. Уточним временные границы, ведь привычным явлением провокаторство становится ещё в 1820-е гг., точнее 1825–1845 гг. Именно эта ситуация последекабрьского десятилетия глубоко осмысленна Герценом.

Отличительной чертой стиля прозы Ю. Давыдова рубежа XX–XXI вв. является интертекстуальность, создающая иронический подтекст, поэтому первую очередь читатель воспринимает точку зрения автора, поскольку нашему национальному мышлению присущ литературоцентризм [5].

Вольное цитирование Ю. Давыдовым известного патриотического высказывания Бенкендорфа (Главного Синего Тюльпана) в контексте русской литературы (Пушкин, Гоголь, Герцен) наполняет повесть «Подколотный Башуцкий» скрытыми смыслами: «Все наши сюжеты, – думал Милый Алексеевич [Башуцкий – герой повести Ю. В. Давыдова – М. Б.], – определены Пушкиным. Гоголь видел в Пушкине явление русского человека, каким он будет лет двести спустя. Увы, Герцен вопрошал горестно: не начать ли новую жизнь с сохранения корпуса жандармов? Как в воду глядел. Потому и утверждал Главный Синий Тюльпан: будущее России находится за пределами самого пылкого воображения. Угадал – за пределами»²².

В этом фрагменте речь идет не только о николаевской эпохе, но о трагической русской истории в целом. Сигналом выступают слова «за пределами» – так читатель включается в давнюю полемику о будущем России, ее высоком предназначении. Особой остроты полемика, как известно, достигла в 1830–1840-е гг. В ходе нее выявился широкий диапазон точек зрения об историческом пути Отечества – от официального патриотизма (граф А. Х. Бенкендорф) до категорически мрачных заявлений (П. Я. Чаадаев). Позицию Бенкендорфа его современники восприняли иронически («квасной

²¹ Радзинский Э. Лунина, или Смерть Жака. С. 248.

²² Давыдов Ю. В. Подколотный Башуцкий : Повести, рассказы / Собрание сочинений в 5 тт. Т. 1. СПб. : ЗАО Изд-во Пропаганда», 2004. С. 32.

патриотизм» (П. Я. Вяземский), «разнузданный патриотизм» (П. Я. Чаадаев)). Известна цитата из письма Чаадаева «Философический ответ» Е. Пановой: «*Мы живём одним настоящим в самых тесных его пределах...*»²³. Э. Радзинский комментирует точку зрения Чаадаева: «*Наше прошлое, наша история – это ноль. Наше нынешнее состояние – это мертвящий застой*»²⁴. Писатель заметил, что критика николаевской России Чаадаевым была немислимо дерзкой: «*На языке декабриста Лунина это называлось «дразнить медведя»*»²⁵. Он привёл малоизвестную точку зрения в указанной полемике: «*балаганским патриотизмом*» назвал слова Бенкендорфа «*не какой-нибудь злопыхатель-масон, а самый что ни на есть «нечаадаевский» русский человек, император Александр Третий <...> в эту наэлектризованную атмосферу безумия и спеси Чаадаев решил швырнуть своё письмо – свою горечь и злость*»²⁶. И Лунин, и Чаадаев могли воздействовать остротами (mots) на общество. Э. Радзинский приводит mots «*московского Сократа*» по поводу символа Москвы – Царь-колокола: «*...для Чаадаева большой колокол без языка был «гиероглиф», выражающий большую страну*»²⁷.

Есть важные детали: в общественно-политической ситуации того времени, порождающей тип гонителя свободы Бенкендорфа, Э. Радзинский подчеркнул царящие «*безумие и спесь*». Полагаем, ревностное служение Империи, доведенное до абсурда (безумие), и самодовольство / демонстрируемая спесь – это черты, присущие и Бенкендорфу, и персонажам, тяготеющим к одному типу гонителя в истории декабристской и последекабрьской России.

Мы предварили интерпретацию личности Бенкендорфа у Ю. Давыдова сравнением с оценками Э. Радзинского, чтобы подчеркнуть особенности точек зрения каждого из авторов. В постмодернистской манере повествования Ю. Давыдова есть преимущества перед взглядом реалиста: герой показан не схемой, а живым человеком и многомерно – и в земной ипостаси, и в гипотетически моделированной виртуальной реальности, в инобытии. Истоки типа Бенкендорфа, по мнению А. В. Сидорова, следует искать в образе государственного деятеля Тотлебена («Скаковое поле») и Синельникова («Соломенная сторожка»), то есть в прозе о народолюбцах [8, с. 77].

В главе 14 повести «Подколотный Башуцкий»²⁸ Бенкендорф изображен еще молодым дворянином, пока еще он не государственный деятель и не вторая по значимости фигура в Империи. Так, «в грозе двенадцатого года <...> высветили черты примечательные»²⁹. Приводятся документальные свидетельства героического поведения Бенкендорфа, взятые из записок мемуариста, декабриста, сосланного в Сибирь: «*... отряд гвардейских казаков дрался замечательно, его успехи единственно приписать должно прозорливости и смелому действию Бенкендорфа*»³⁰. Ю. В. Давыдов воспроизводит слова потрясенного молодого воителя от увиденного «*бедственного рабства*» белорусских крестьян, а также размышления Бенкендорфа о закономерной реакции «*бунтов белорусских мужиков на тиранство шляхты*»; «*Он и русских понимал: мстят дуrolомнымдушевладельцам – не умеют стричь овец, сдирают шкуру вместе с шерстью*»³¹. Размышления о тяжелой доле крестьянства в военных воспоминаниях А. Х. Бенкендорфа привели писателя к неожиданному открытию: «*...да вот, кажется, ни один из тех, кто обретался страшно далеко от народа, не высказался столь кратко и сильно, как Бенкендорф: я уважаю крестьян*»³². Отказ Александра Христофоровича выполнять приказ «*расстреливать изменников, то есть мужиков, возмущившихся противу господ <...> (клевеущие на русских крестьян – сами изменники; расстреливать русских крестьян н могу*»³³ вызвал у главного героя Башуцкого реакцию растерянности.

Очевидная амбивалентность образа исторической личности Александра Христофоровича Бенкендорфа порождает интерес к нему и объясняет разночтения данного характера (типа). Соответственно тип гонителя свободы дополняется конкретными смыслами, не укладывающимися в негативную схему. Еще более рельефно звучит эта мысль в повести, поэтому недостаточно сказать, что истоки типа Бенкендорфа непосредственно взяты от Тотлебена и Синельникова. Вот слова альтер эго автора – Милия Алексеевича Башуцкого, интеллигента, историка: «*Слова и поступки Бенкендорфа отнёс бы он к истокам декабризма, не окажись Бенкендорф на другой стороне. <...> Но – вот: расстреливать*

²³ Радзинский Э. На Руси от ума одно горе // Радзинский Э. Загадки истории. М.: Астрель: АСТ Москва, 2008. С. 303.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же. С. 309.

²⁶ Там же. С. 308.

²⁷ Там же. С. 316.

²⁸ Давыдов Ю. В. Подколотный Башуцкий, или Синие тюльпаны // Собр. соч.: в 5 т. Т. 1: Подколотный Башуцкий. Повести, рассказы. СПб.: ЗАО «Издательство «Пропаганда», 2004. С. 7–166.

²⁹ Давыдов Ю. В. Подколотный Башуцкий, или Синие тюльпаны. С. 64.

³⁰ Там же.

³¹ Там же.

³² Там же. С. 65.

³³ Там же.

крестьян, усердных и верных защитников отечества, не могу. <...> Строгая справедливость и еще раз справедливость. Не на мундир взирай, как библейский Самуил, не на лицо, а на сердце, как библейский Господь»³⁴.

Глава 20 «Подколенного Башуцкого» в постмодернистском характере повествования начинается с провозглашения замысла историка Милия Алексеевича Башуцкого. Библейский пафос сквозит в каждом слове: «*Поутру Милий Алексеевич проникся решимостью в семь дней сотворить микромир синих тюльпанов*»³⁵. Целую страницу в этой главе занимает обширная цитата из трактата П. И. Пестеля «Записка о государственном устройстве»³⁶.

В то время как Пестель сидел в каземате Алексеевского рavelина, его записки читал Бенкендорф «в обер-комендантском доме». Факты опрокидывают все официальные представления, отразившиеся в имеющейся типологии: «*Пестель был жертвой, Бенкендорф палачом, но поразительная близость государственных замыслов. Не обойдётся, не образуется*»³⁷. Бенкендорф многое почерпнул у Пестеля: «*из статьи двенадцатой о государственном благочинии, хранимом тайной полицией. Обязанности: узнавать, как действуют все части управления <...> – не образуются ли вредные общества...не готовятся ли бунты, и распространяются ли соблазны и учения, противные законам и вере <...> Структура: палата исполнительных дел; палата распорядительных дел <...> наконец, палата внутренней стражи, состоящей из пятидесяти тысяч жандармов. Способ действия: тайные розыски, или шпионство...»*»³⁸. По странному совпадению, Бенкендорф подал записку Николаю I об учреждении «синих тюльпанов» весной 1826 года, через два месяца после знакомства с «Запиской» Пестеля (февраль). Милий Алексеевич Башуцкий не щадит исторических личностей – героев Отечественной войны 1812 г.: «*Генерал обокрал полковника? Ремни из чужой спины вырезал? Нисколько! Сошлись во взглядах. А государь прочитал, государь согласился*»³⁹.

В микромире синих тюльпанов, кроме графа А. Х. Бенкендорфа, были и свои интеллектуалы. Известный мемуарист Вигель назвал одного из соратников Бенкендорфа – фон Фока «совсем не злым»: «*Злой мемуарист Вигель подтверждал: “фон Фок совсем не был зол и ничьей погибели не искал”*»⁴⁰, А. С. Пушкин называл его «добрым, честным и твёрдым». Обескураживающе на фоне профессиональной службы жандарма выглядит увлечение фон Фока изящной словесностью: «*Почётный член Вольного общества любителей российской словесности*»⁴¹.

Принцип, проповедуемый гонителями свободы – цель оправдывает средства. В повести «Подколенный Башуцкий» среди друзей декабристов постоянно возникает образ Пушкина. Бенкендорф размышляет о судьбе поэта-гения, понимая его правоту: «*Смею полагать, Пушкин прав. <...> Пушкин нынче читает друзьям поэмку про Годунова, есть аллюзии*»⁴². Ироничная манера Ю. Давыдова сказывается в повествовании историка Башуцкого. Когда воображение очеркиста создаёт внутренний монолог Бенкендорфа о Пушкине, то главный герой Милий Алексеевич Башуцкий резко одёргивает персонажа («*Мерзавец смеет брать в союзники Пушкина!*»; «*О, смысл слов, оттенки и переливы! Шпионы, доносчики – одна погудка. Разведчики, патриоты-осведомители – вроде как бы иная. <...> Семантика, граждане, зыбкая семантика*»⁴³. Мы согласны с мнением М. Н. Жанузакова о значении повести Ю. В. Давыдова «Подколенный Башуцкий»: «Впервые в художественно-исторической литературе Бенкендорфу предоставляется возможность оправдаться перед потомками» [3, с. 29].

Заключение

Обратившись к проблеме типологии героев русской литературы о декабристах в контексте нового взгляда на историю декабристского движения, мы выполнили аналитический обзор научных исторических работ 2010-х гг. по теме декабризма. В результате анализа интерпретаций личности А. Х. Бенкендорфа в пьесе Э. Радзинского «Лунино, или Смерть Жака» и повести Ю. Давыдова «Подколенный Башуцкий, или Синие тюльпаны» выявлен принцип художественного изображения типа исторической личности 1825–1845 гг. с использованием формы беллетризованной биографии.

Биографическое отступление, разработанное А. И. Герценом в произведении «Былое и думы», с

³⁴ Давыдов Ю.В. Подколенный Башуцкий, или Синие тюльпаны. С.65.

³⁵ Там же. С. 89.

³⁶ Там же. С. С. 93–94.

³⁷ Там же. С. 93.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же. С. 94.

⁴⁰ Там же. С. 95.

⁴¹ Там же. С. 96.

⁴² Там же. С. 104.

⁴³ Там же. С. 105.

изображением А. Х. Бенкендорфа и характеристикой этой исторической личности, а также личностей дворянских революционеров, оказало сильнейшее влияние на формирование типологии героев в отечественной литературе 1825–1845 гг. и последующих ее периодов.

Анализ черт типа гонителя (душителя свободы, жандарма, повелевающего «казнить или милловать») в произведениях современной исторической прозы выявил амбивалентность образа А. Х. Бенкендорфа. Э. Радзинский в соответствии с законами драматического рода представляет Бенкендорфа глазами декабриста М. Лунина, заключенного в Акатуйский тюремный замок. Противостояние Лунина и Первого мундира становится идейным центром пьесы-притчи. Типология в произведении на конкретно-историческую тему редуцируется и трансформируется в библейские типы Каина, Авеля, Кесаря и Мария.

Интерпретатором образа шефа жандармов III Отделения в повести «Подколотный Башуцкий, или Синие тюльпаны» выступает автобиографический-повествователь, историк-архивист, альтер эго писателя Ю. Давыдова, который постигает судьбу Башуцкого, репрессированного в годы сталинщины, сквозь призму трагедии декабризма. Тип гонителя свободы трактуется Ю. Давыдовым так: «*Строгая справедливость и еще раз справедливость. Не на мундир взирай, как библейский Самуил, не на лицо, а на сердце, как библейский Господь*»⁴⁴. Автор размышляет о взаимовлиянии типов в оппозициях «герой-революционер – гонитель свободы», «палач – жертва».

Вопрос о типе гонителя в литературе о декабристах требует специального рассмотрения историков и литературоведов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бенкендорф А. Х. Воспоминания. 1802–1837 / Публикация М. В. Сидоровой и А. А. Литвина, пер. с фр. О. В. Маринина. М. : Российский фонд культуры; Студия «ТРИТЭ»; Рос. Архив, 2012. 760 с.
2. Екатерина Великая и Фридрих Великий. Переписка 1744–1781. Откровенно и конфиденциально / автор-сост. Т. Абрамзон. М.: Бослен, 2022. 400 с.
3. Жуназаков М. Н. Стилиевые новации в современной исторической прозе // Филологические науки. 1997. №3. С. 26–34.
4. Канунникова И. А. Драматургия 1970–1990-х годов // Русская литература XX века: Учеб. Пособие для студ. Высш. пед. учеб. Заведений: В 2 т. Т. 2: 1940–1990-е годы / Л. П. Кременцов, Л. Ф. Алесеева, Н. М. Малыгина и др.; под ред. Л. И. Кременцова. М. : Изд. центр «Академия», 2002. С. 409–451.
5. Кондаков И. В. По ту сторону слова. Кризис литературоцентризма в России XX–XXI вв. // Вопросы литературы. 2008. Сентябрь-октябрь <https://voplit.ru/article/po-tu-storonu-slova-krizis-literaturotsentrizma-v-rossii-xx-xxi-vekov/> (дата обращения: 27.08.2022).
6. Ляшенко Л. М. Декабристы: Новый Взгляд. М.: АСТ-Пресс книга, 2011. 240 с.
7. Маклаков А. С. Тема декабризма в русской исторической прозе рубежа XX–XXI вв. (На материале малой прозы Ю. В. Давыдова «Мальчики» (1991) / Мировая литература глазами современной молодёжи. Цифровая эпоха: сборник материалов V международной молодёжной научно-практической конференции. 16–17 октября 2019 г. / науч. ред. С. В. Рудакова. Магнитогорск : Ид-во Магнитогорск. гос. технического ун-та им. Г. И. Носова, 2019. С. 141–150.
8. Сидоров А.В. Историческая проза Ю. Давыдова 1960–2000-х гг.: проблематика и поэтика: дис. ... канд. филол. наук. Магнитогорск, 2009. 178 с.
9. Стародымов Н. Дважды декабристка. 145 лет назад умерла Татьяна Ларина / Газета Международного сообщества писательских союзов «Общеписательская Литературная газета». № 7–10 (56–59), 2014. С. 12.
10. Щедрин Н. М. Русская историческая проза в литературе последней трети XX века: учеб. пособие. Уфа: Изд-во Башкирского ун-та, 1997. 132 с.

M. L. Bedrikova (Russia, Magnitogorsk)

PERCULARITIES OF THE FREEDOM PERSECUTOR IMAGE IN RUSSIAN LITERATURE ABOUT THE DECEMBRISTS (E. RADZINSKY AND Y. DAVYDOV)

Abstract. The article is devoted to the relevant problem of the heroes typology in Russian literature about the Decembrists in the context of current views on Decembrism. The author sets the tasks: to reveal the timeless nature of the conflict "personality and power" in Russian literature associated with the events of December, 14, 1825; to research the literary types features – the noble revolutionary hero in his conflict with the type of "statesman", the persecutor of free thought. The author of the article analyzes the interpretations of the personality of A. H. Benkendorf in the play by E. Radzinsky "Lunin, or the Death of Jacques" (1979) and the novella by Yu. V. Davydova "PodkolodnyBashutsky, or Blue Tulips" (1988-1989). The research is based on these writers' idea of the development in the course of the historical topic the biographical principle developed by A. I. Herzen. In the story "PodkolodnyBashutsky, or Blue Tulips", the interpreter of the image of the chief of the gendarmes of the III Department is an autobiographical narrator, a reflective historian-

⁴⁴ Давыдов Ю.В. Подколотный Башуцкий, или Синие тюльпаны. С. 65.

archivist, alter ego of the novelist Yu. V. Davydov. He comprehends his hero's fate, repressed during the years of Stalinism, through the lens of the tragedy of Decembrism and in parallel tells about the fate of the persecutor himself – A. H. Benckendorf. The historian-playwright E. Radzinsky also represents the personality of A. H. Benckendorf, but according to the laws of dramaturgy and in a different position – via the eyes of the Decembrist M. Lunin, a prisoner of the Akatuy prison. The novelty of the research is in firstly, identifying the principles of artistic representation of the historical personality of 1825-1845 in the typology of the heroes of Russian literature; secondly, revealing ambivalent features in the type of persecutor, "strangler of freedom", gendarme, ordering to execute or give mercy. The methodology of the article combines biographical, historical-comparative and typological methods of analysis.

Keywords: Decembrism, biography, Russian literature of the twentieth century, Y. V. Davydov "PodkolodnyBa-shutsky, or Blue Tulips", E. Radzinsky "Lunin, or the Death of Jacques".

REFERENCES

1. Benckendorf A. Kh. Vospominaniya. 1802–1837 / Publikatsiya M. V. Sidorovoi A. A. Litvina. Per. s fr. O.V. Marinina, Moscow, Rossiiskii fond kul'tury; Studiya «TRITE»; Ros. Arkhiv, 2012. 760 p.
2. Ekaterina Velikayai Fridrikh Velikii. Perepiska 1744–1781. Otkrovenno I konfidentsial'no / avtor-sost. Tat'yana Abramzon. M.: Boslen, 2022. 400 p.
3. Zhunazakov M. N. Stilevye novatsii v sovremennoi istoricheskoi proze, *Filologicheskie nauki* [Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education], 1997, no. 3, pp. 26–34.
4. Kanunnikova I. A. Dramaturgiya 1970–1990-kh godov // RusskayaliteraturaKhKhveka: Ucheb. Po-sobiedlya stud. Vyssh. ped. ucheb. Zavedenii, V 2 tt., T. 2: 1940–1990-e gody, L. P. Kremontsov, L. F. Aleseeva, N. M. Malyginai dr.; pod red. L. I. Kremontsova, Mjscow, Izd. tsentr «Akademiya», 2002, pp. 409–451.
5. Kondakov I. V. Po tu storonu slova. Krizis literaturotsentrizma v Rossii XX–XXI vv., *Voprosy literatury* [Russian Studies in Literature], 2008, Sentyabr'-oktyabr', URL: <https://voplit.ru/article/po-tu-storonu-slova-krizis-literaturotsentrizma-v-rossii-xx-xxi-vekov/> (accessed 28 August 2022).
6. Lyashenko L. M. Dekabristy: NovyiVzglyad, Moscow, AST-Press kniga, 2011, 240 p.
7. Maklakov A. S. Tema dekabrizma v russkoi istoricheskoi proze rubezha XX–XXI vv. (Na mate-rialemaloiiprozyYu. V. Davydova «Mal'chiki» (1991) / Mirovaya literature glazami sovremennoi molodezhi. Tsifrovaya epokha: sbornik materialov V mezhdunarodnoi molodezhnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. 16–17 oktyabrya 2019 g. / nauch. red. S. V. Rudakova, Magnitogorsk, Id-vo Magnitogorsk. gos. tekhnicheskogo un-ta im. G. I. Nosova, 2019, pp. 141–150.
8. Sidorov A. V. Istoricheskayaproza Yu. Davydova 1960–2000-kh gg.: problematika i poetika: dis. ...kand. filol. nauk, Magnitogorsk, 2009, 178 p.
9. Starodymov N. Dvazhdydekabristka. 145 let nazadumerlaTat'yana Larina, *Gazeta Mezhdunarodnogo soobshchestva pisatel'skikh soyuzov «Obshchepisatel'skaya Literaturnaya gazeta»*, no. 7–10 (56–59), 2014, p. 12.
10. Shchedrina N. M. Russkaya istoricheskaya proza v literature poslednei treti XX veka: ucheb. posobie, Ufa, Izd-voBashkirskogounta, 1997, 132 p.

Бедрикова М. Л. Особенности изображения типа гонителя свободы в русской литературе о декабристах (Э. Радзинский и Ю. Давыдов) // Гуманитарно-педагогические исследования. 2022. Т. 6. № 3. С. 55–64.

Bedrikova M. L. Peculiarities of the Freedom Persecutor Image in Russian Literature about the Decembrists (E. Radzinsky and Y. Davydov), *Gumanitarno-pedagogicheskieissledovaniya* [Humanitarian and pedagogical Research], 2022, vol. 6, no. 3, pp. 55–64.

Дата поступления статьи – 05.09.2022; 1,16 печ. л.

Сведения об авторе

Бедрикова Майя Леонидовна – доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры языкознания и литературоведения Института гуманитарного образования ФГБОУ ВО «Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова», Россия, Магнитогорск; mlbedrikova@gmail.com.

Author:

Maya L. Bedrikova, Associate Professor, Candidate of Philology, Associate Professor of Linguistics and Literary Studies Department, Institute of Humanitarian Education, Nosov Magnitogorsk State Technical University, Magnitogorsk, Russia; mlbedrikova@gmail.com.